

***Семенова Ольга Георгиевна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

Член общества «Жители блокадного Ленинграда», Санкт-Петербург.

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЬНИЦЫ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА ПЕРЕД ВОЙНОЙ.

Я, Семёнова Ольга Георгиевна, родилась 18 марта 1931 года в г. Ленинграде. Я воспитывалась во второй семье отца Семёнова Георгия Николаевича из пяти человек: он сам, его новая жена Семёнова Мария Михайловна и трое детей - я, Полянская Валентина Александровна 1930 года рождения, дочь Марии Михайловны от первого брака, и Семёнов Георгий Георгиевич 1939 года рождения, общий сын отца и Марии Михайловны. Иногда я гостила у моей родной мамы, Семёновой Марфы Васильевны, которая жила отдельно, тоже в Ленинграде. Все они будут участниками этих воспоминаний.

Мои родные мать и отец до войны и я в возрасте двух или трёх лет.

Перед Великой Отечественной войной отец работал инженером по бурению в геологической организации «Спецгео», выполнявшей работы по заданиям наркомата обороны. В 1939 г. к СССР были присоединены страны Прибалтики и восточная часть Польши. На новой границе началось строительство оборонительных укреплений, для чего потребовалось проведение инженерно-геологических изысканий, в том числе буровых работ. От организации «Спецгео» на участки новой границы была направлена большая геологическая экспедиция, в составе которой в бывшую восточную Польшу был командирован мой отец. С ним поехала вся наша семья: Мария Михайловна и мы, трое детей: сводные сёстры Оля и Валя и брат Юра, девочкам по 8 лет, мальчику 1 год. Отец работал, остальные просто жили дома. Домом в экспедиции служила съёмная комната на очередном участке буровых работ. В нашей семье была охотничья собака, добрейший и веселейший английский сеттер Джон – всеобщий любимец. Валя и я были одного возраста и много времени проводили вместе.

Наш английский сеттер Джон.

Первое дыхание приближающейся войны мы с Валею почувствовали в бывшей Польше в маленьком городке Рутки-Коссаки недалеко от г. Белостока. Многие поляки хорошо говорили по-русски. Наша семья снимала комнату у поляка-шорника в доме сельского типа. В хозяйской семье было две дочери – Кристина 12 лет и Ядвига 5 лет. Они рассказали нам с Валею, что когда в Рутки-Коссаки вошла немецкая воинская часть, солдаты стали обходить дома и расстреливать мужчин, не явившихся на регистрацию. Обнаружив хозяина-шорника, немецкий солдат вывел его на его собственный огород и приготовился расстрелять. Жена шорника и старшая дочь Крися окаменели от ужаса. Отца спасла маленькая Яся. Она с плачем бросилась на винтовку немца и отчаянно кричала. Немец не выдержал, опустил винтовку и ушел. Мы с Валею ошеломленно слушали этот рассказ. Мы по возрасту были далеки от политики, не читали газет, не слушали известий по радио. В окрестностях городка было много пепелищ, высились обгоревшие печи с трубами от сожженных домов. Я открыла для себя, что стекло, оказывается, может плавиться. Следует пояснить, что немецкая армия была в этой части Польши до того, как Германия и СССР разделили Польшу между собой. Я с удивлением и стыдом сейчас вспоминаю, что завидовала Крисе и Ясе, считала, что мне не повезло, так как в моей жизни не было таких драматических и, на мой тогдашний взгляд, увлекательных событий, которые пережили они. Скоро «увлекательные» события захватили всех нас.

Взрослые, конечно, осознавали тревожность политической обстановки, но мы с Валею прекрасно проводили время. Летом это были прогулки, чтение, посильные домашняя работа и иногда присмотр за маленьким братом. Зимой основными были домашние занятия по школьной программе и учебникам для 2-го

класса под руководством Марии Михайловны. Попытка родителей отдать нас в местную польскую школу не удалась из-за языкового барьера. С большим любопытством мы разглядывали чужую жизнь. Особенно интересно было заходить в польский католический костёл, на еженедельный рынок по средам на специальной «рыночной» городской площади, куда съезжались с продуктами своего производства крестьяне из окрестных деревень, в еврейские кварталы, где сохранилась "старая" жизнь с национальной одеждой, языком и обычаями. Страшно думать, что большинство евреев из Руток-Коссаков наверняка не пережили Второй мировой войны.

По обстоятельствам работы отца наша семья переехала из Руток-Коссаков в литовский городок Кальварию, а из нее в тогдашнюю столицу Литвы, Каунас. В Каунасе было много русских (советских) граждан: воинские части, семьи красных командиров (офицеров) и гражданские лица вроде командированных геологов и других специалистов. Наша семья поселилась в пригороде, называвшемся Понемуни, на богатой вилле розового цвета, занятой русскими – по семье в каждой комнате. Иногда откуда-то приходила молодая красивая элегантная дама и раздражённо и презрительно подметала двор виллы. Это была хозяйка виллы.

С сестрой Вале́й на крыльце виллы в Каунасе (я – слева). 1940 г.

Русских в Каунасе было так много, что в городе работала русская школа с русскими преподавателями, может быть, и не одна. В школе были не виданные нами раньше фонтанчики для питья воды в коридорах, сменная обувь и полдники из какао с булочкой. Мы с Вале́й окончили там третий класс. Меня «За отличные успехи и примерное поведение» школа наградила книгой «Обновитель природы»

(об И.В.Мичурине). Чем наградили Валю, у которой тоже были «отличные успехи и примерное поведение», я не помню. Когда в школе закончились занятия, наступило прекрасное лето с прогулками, купанием в реке Неман и другими летними удовольствиями, в которых участвовала наша собака сеттер Джон.

В Каунасе базировалось управление экспедицией: руководство, технические отделы, бухгалтерия, центральный гараж и т.п. Работа отца после перевода в Каунас была связана с частыми многодневными выездами из города на буровые участки. Однако в выходные дни он часто был дома в Каунасе. Так, к счастью, было и в воскресенье 22 июня 1941 г., которое выдалось исключительно ясным и солнечным. Наша семья была в полном составе и спала. Примерно в 6:00 утра я, спавшая на раскладушке напротив двери, услышала стук. Отец встал, открыл дверь и стал тихо говорить через порог с каким-то мужчиной. Я разглядела, что на пришедшем под плащом были только трусы, а ниже – ботинки без носков. Отец тихо сказал что-то Марии Михайловне, оделся и ушёл с гостем. От Марии Михайловны мы узнали, что, кажется, началась война, нам придётся уезжать, говорить об этом никому не нужно, надо собирать вещи. Много позднее я узнала, что взрослые считали предстоящий отъезд временным и не исключали, что мы можем скоро вернуться (!), если это окажется не началом войны, а германской провокацией.

Германская авиация ночью бомбила приграничные города СССР, в том числе и Кальварию. Каунас не бомбили. Если бы несколько месяцев тому назад нашу семью не перевели из Кальварии в Каунас, то мы или погибли бы, или остались на оккупированной территории. Пришедшему ранним утром работнику экспедиции в трусах и плаще удалось бежать из Кальварии во время бомбёжки. При грохоте взрывов он выскочил из дома и увидел своего водителя грузовика с женой и грудным ребенком, спасающихся в пшеничном поле. Посоветовавшись, они завели грузовик, под бомбами выехали из Кальварии и поехали в Каунас. Гость вместе с моим отцом пошли по домам руководителей экспедиции и вовремя сообщили о начавшихся событиях. В центральном гараже экспедиции в этот день находились 19 грузовиков.

Рабочее совещание руководителей экспедиции решило на двух грузовиках, не мешкая, отправить в Ленинград женщин и детей, а вслед за ними на 17 грузовиках выехать всем остальным. Уже примерно в 11:00 утра Мария Михайловна и мы, трое детей, с частью вещей в составе группы других женщин и детей выехали из Каунаса в Ленинград. Из мужчин в нашей «автоколонне» ехали два водителя и специально выделенный сопровождающий, снабженный тщательно подготовленными сопроводительными документами. В кабине первого грузовика рядом с водителем ехал сопровождающий, в кабине второго - Мария Михайловна с маленьким Юрой на руках (Юра был самым маленьким из детей). Остальные ехали в открытых кузовах грузовиков. В дороге останавливались в каком-нибудь леске только для того, чтобы водители могли поспать. Питались взятыми с собой продуктами. Несколько раз нашу автоколонну останавливали советские офицеры и пытались со ссылкой на военное положение реквизируют грузовики, по-видимому, чтобы эвакуировать свои семьи. Сопровождающий с хорошо подготовленными документами успешно отбивал эти попытки.

В кузовах наших грузовиков нижний, плоский слой составляли вещи почти до высоты борта, на них сидели люди, а поверх людей был расстелен брезент – от пыли и ветра, от ночного холода и от любопытных глаз. Моё место было у правого борта. Ночью я проснулась от равномерного грохота, выглянула из-под брезента и увидела идущие навстречу (на запад) советские танки. Вдоль обочин по обе стороны дороги в том же направлении на запад «гуськом», молча, шли красноармейцы. Всё это впечатляло. Непосредственного присутствия германской армии не чувствовалось. А вот выехавшие из Каунаса на 17-ти грузовиках во второй половине дня остальные работники экспедиции пережили налёты немецких самолётов, которые обстреливали их из пулемётов. При налёте машины останавливались, люди с них соскакивали и ложились в придорожные канавы. К счастью, никто не был убит или ранен. Это рассказал дома отец, приехав вслед за нами в Ленинград.

Сеттер Джон остался в Каунасе, так как никто не позволил бы взять его с собой. Сначала мы, дети, очень огорчились, но потом оказалось, что Джону повезло. В Ленинграде он бы умер от голода или его бы съели. Джона родители оставили на попечение хозяйки виллы. После окончания войны в Ленинград вернулся геолог, которого не было в Каунасе 22 июня 1941 года, и он поневоле остался на оккупированной территории в Литве. Куда судьба бросала его во

время войны, я не знаю, но после войны он вернулся в СССР из Франции. Этот геолог рассказал отцу, что Джон неприкаянно бегал рядом с виллой, где мы жили, а когда в город вошли немцы, его взял себе немецкий майор.

В ЛЕНИНГРАДЕ

В Ленинграде наша семья жила на Театральной площади на втором этаже дома 4 в квартире 29. Это дом за консерваторией, если смотреть от Мариинского театра. Номер дома по каналу Грибоедова - 105. Квартира была небольшая, отдельная, двухкомнатная (одна комната проходная). После возвращения из Каунаса в Ленинград отец продолжал работать в организации «Спецгео», помещавшейся на Дворцовой набережной. Наша семья не эвакуировалась и всю войну прожила в Ленинграде. Бомбёжки города, артиллерийские обстрелы, не работавшие водопровод, канализация, отсутствие электричества, городского общественного транспорта, необходимость затемнения окон, неубранные трупы в квартирах, дворах и на улицах, а главное голод – всё это много раз описано в разных статьях и книгах. При моем дальнейшем рассказе я прошу это подразумевать.

Причиной массовых смертей в заблокированном Ленинграде был голод. На продовольствие была введена карточная система. Низкие нормы выдачи продуктов держались так долго, что можно с уверенностью сказать, что люди, жившие только «на карточки», все без исключения умерли уже в первую зиму 1941/1942 гг. Те, кто выжил, имели какие-то дополнительные источники питания. К выжившим относится наша семья.

Недавно при мне человек, мало знающий о голоде, удивился, что на фотографиях и в кинохронике у многих ленинградцев не исхудавшие, а округленные лица. Этот человек наивно заключил, что не так уж и много было голодных. На самом деле, большая часть голодающих опухает, так как для того, чтобы заглушить голод они пьют много воды. Другая причина желания пить воду (кипяток) – холод в ленинградских квартирах. Возникающая опухлость - болезненная, неприятная на вид, серого цвета. Таких людей так и называли: «опухшие», это было употребительное слово. Взгляд у них обычно был уже безумный. Все знали, что надо воздерживаться от лишнего питья, но не у всех хватало выдержки.

Хочу развеять еще одно недоразумение. Недавно при мне женщина возмущалась «небылицами» о блокадниках. Она была в эвакуации в деревне на Урале. В эту деревню летом 1942 года привезли женщин, вывезенных через Ладожское озеро из Ленинграда. На вопрос, сколько им выдавали хлеба, эти женщины ответили, что, слава богу, выдавали килограмм в день (!). Прибывшие из Ленинграда, конечно, имели в виду, что **килограмм в день им давали в дороге (в поезде)**, после того, как они пересекли Ладожское озеро, чтобы немного подкормить. Те, кто спрашивал, решили, что столько хлеба люди получали в самом Ленинграде и, естественно, возмутились, так как сами килограмма хлеба в день не имели «без всякой блокады». На самом же деле, в ноябре-декабре 1941 года рабочим давали по 250 граммов хлеба в день, остальным, в том числе и детям, – по 125 граммов. С 11 февраля 1942 года нормы были увеличены: рабочим до 500 граммов хлеба в день, детям – до 300 граммов. Нормы на остальные продукты были тоже совершенно мизерные.

Вернусь к истории нашей семьи.

Почему мы выжили

Наша семья выжила по нескольким причинам.

Во-первых, отец был «белобилетник», то есть невоеннообязанный инвалид. В свое время ему на ногу упала «нога» буровой вышки (бревно), кости срослись неправильно, он хромал, не мог нормально приседать и при ходьбе быстро уставал. Он не подлежал мобилизации в течение всей войны, несмотря на всё снижавшиеся требования медицинских комиссий. На протяжении всей войны он работал в Ленинграде и прилежащих районах и сделал всё возможное для спасения нашей не эвакуированной семьи. По дореволюционному образованию он был военно-морской офицер (кстати, «последний гардемарин»), по послереволюционной судьбе – инженер-практик по бурению, работавший в геологической отрасли.

Отец был очень энергичный, умелый и в критических обстоятельствах самоотверженный человек. Он для нас был главным организатором, специалистом и консультантом по всем хозяйственным вопросам. Он знал и умел почти все: выращивать растения, косить, делать продуктовые заготовки, чинить обувь, одежду, мебель, деревенский дом, печь, вставлять стекла в окна,

заготавливать дрова, обращаться с животными, охотиться и ловить рыбу, делать слесарные, столярные и плотницкие работы, водить машину, чинить велосипеды и ещё много-много другого. Перечисленное он делал не как узкий специалист, то есть не на высоком уровне качества, но в принципе правильно, уверенно достигая нужного результата. Он хорошо ладил с людьми и ориентировался в работе государственных учреждений. Именно отец, предвидя голод, решил в августе-сентябре 1941 г. сделать возможные закупки на случай голода, пока еще в свободной продаже в магазинах были продукты питания. Мария Михайловна и мы с Валею ленились и даже стеснялись это делать, потому что официальная пропаганда осуждала любые запасы впрок. Они преследовались как проявление панических настроений и даже были объектом доноса. Отец настоял, и сделанные, хотя и небольшие, закупки крупы, сахара и керосина и засушенные сухари немного поддержали нас до января 1942 г. Керосином мы, как и все, пользовались только для освещения коптилками – баночками с горящим фитильком вместо керосиновой лампы, которая давала бы больше света, но тратила бы при этом больше керосина. Поздней осенью 1941 г. Мария Михайловна и моя родная мама воспользовались еще одним способом заготовок: с другими ленинградцами они ездили на пригородные совхозные поля, кажется, в район Купчина, собирать из-под снега оставшиеся там зелёные наружные листья капусты («хряпу»), которые мы заквашивали.

Летом 1941 г. отец купил много дров, которые нам за плату напилили и накололи дворники, а мы сложили в кладовку. Собственно, заготовка дров на зиму была обычным делом всех городских жителей до войны, и без всякой войны, так как отопление было только печным за редкими исключениями. Заслуга отца была в том, что он действовал не осенью, а летом, пока дрова можно было легко купить, были силы, деньги и было, кого нанять. Значение дров в войну трудно переоценить. Кроме отопления, в блокаду их приходилось использовать и для приготовления еды на дровяных плитах, печках-буржуйках и даже разводя крохотные костерки в топках круглых и кафельных городских печей между двумя специально поставленными кирпичами. Кстати, отец достал для нас и печку-буржуйку в дополнение к большой дровяной плите в кухне. Буржуйка – небольшая железная печурка (примерно 70x40x40 см). До войны еду готовили, в основном, на керосинках и примусах, но с началом войны керосин, не говоря уж о бензине, мгновенно стал дефицитом и готовить стали на дровах или щепках.

Во-вторых, отцу как инженеру по бурению, нашлась работа по специальности. При штабе Ленинградского фронта был создан отдел Военной геологии, руководивший военно-геологическими отрядами из оставшихся в городе невоеннообязанных или имевших бронь дееспособных сотрудников различных геологических организаций. В этой системе и стал работать отец. Отряды занимались инженерно-геологическим обеспечением боевых действий, решали задачи противоминной защиты и поиска неразорвавшихся бомб и снарядов, обеспечивали оборонную промышленность Ленинграда важными видами формовочного сырья и торфом, бурили скважины на питьевую воду для воинских частей, стоявших в болотистой местности. Последнее было основной работой отца. При необходимости он выполнял и другие инженерные работы, например, однажды отец достал в городе и запустил движок для местного освещения землянок на командном пункте дивизии. Сотрудники военно-геологических отрядов служили в воинских частях в качестве вольнонаёмных, жили в расположении этих частей и получали военный паёк, существенно превышавший нормы продовольствия для гражданских лиц. Военный период жизни и работы ленинградских геологов отчасти описан в книге «Геология Северо-Запада: вчера, сегодня и завтра. 75 лет Государственному геологическому предприятию "Севзапгеология"». Составитель Н.Д.Малов. (Отпечатано на Санкт-Петербургской картографической фабрике ВСЕГЕИ в 2004 г. Тираж 500 экз.). Прилагаю копию разворота из этой книги, относящийся к моему отцу и Марии Михайловне Семеновым.

С весны 1942 года вместе с отцом в военно-геологических отрядах стала в отдельные месяцы работать и Мария Михайловна, имевшая квалификацию младшего геологического работника (коллектора). Таким образом, в нашей семье один, а иногда два человека получали военный паёк.

*Отдел военной геологии.
Техник-геолог
Мария Михайловна Семенова,
инженер полевому
водоснабжению
123-й стрелковой дивизии
Георгий Николаевич Семенов.
Ленинград, 1943 год*

Фрагмент из книги «Геология Северо-Запада: вчера, сегодня и завтра»

Мы, дети, жили в Ленинграде и получали детские продуктовые карточки. По достижении 12 лет мы с Валею стали получать «иждивенческие» карточки, норма по которым была меньше. Двухлетнего брата Юру приняли в детский сад, где по тем временам было хорошее питание. В детский сад сдавалась какая-то часть талонов из карточки ребенка, и что-то добавляло государство. Если ребенка по болезни не приводили, то детский сад в судках давал родным на дом полагающиеся завтрак, полдник и обед. Мы с Валею не раз ходили за такими судками.

Кроме сэкономленной доли военного пайка, отец зимой 1941/1942 приносил семье всё, что мог «добыть»: добротную помощь сострадательных военных, выменянный у конюхов овёс военных лошадей, части мороженых туш тех же лошадей, павших «от прободения желудка распаренными ветками», хлопковый жмых («дуранда») и что-то ещё. Военный ветеринар сказал отцу, что есть лошадей, павших «от прободения желудка», не вредно, однако военные этого не делали, и туши бросали в стороне от расположения части. Зима была морозной без оттепелей, и мясо не портилось. Всего отец смог принести нам в первый раз целиком один лошадиный окорок и во второй раз какие-то более мелкие части туши, покрытые шкурой, которую мы тоже съели. Овса отец в общей сложности принес, наверное, около 10-ти килограммов. Никакого городского транспорта в первую блокадную зиму не было. Отец работал (служил) в эту зиму в воинской части на Карельском перешейке рядом с поселком Агалатово, где в землянках располагался командный пункт дивизии. Оттуда он ходил к нам на Театральную площадь пешком на расстояние около 40 км, таща детские санки с теми продуктами, которые удалось собрать и достать. Отец ходил вместе со своим

сослуживцем - буровым мастером, у которого тоже была семья в Ленинграде. На обратном пути в воинскую часть они могли иногда проголосовать и проехать часть пути на попутных военных машинах. По дороге в Ленинград этого было делать нельзя, так как с «продуктами» их могли задержать на любой из многочисленных военных застав и неизвестно, чем бы в военное время это закончилось – ведь продукты были большей частью как бы незаконными.

В-третьих, на два сезона - весной-летом 1942 г. и 1943 г. - отец получал разрешение своего непосредственного командира на временный вывоз семьи из Ленинграда в распоряжение воинской части и устройство там огорода. Первый огород был на Карельском перешейке на месте разрушенной и без жителей деревни Киссалово недалеко от пос. Агалатово, второй – в Шушарах, которые считались тогда «за городом». Из Шушар была видна одна из возвышенностей Пулкова. На возвышенности стояли немецкие части, регулярно лениво нас обстреливавшие, то есть редко, отдельными снарядами. К взрывам фугасных снарядов мы относились спокойно, как к неизбежному злу. Снаряд вздыбливал фонтан земли, от которого во все стороны летели осколки. Было ясно, откуда исходит опасность, в крайнем случае, можно было лечь на землю. Предсказуемость снижала страх. Однако, однажды я очень испугалась: с ясного неба вдруг стали отвесно, с легким свистом и мягким стуком падать в траву металлические призмы, причем невозможно было предугадать, какое место падения будет следующим. Это была шрапнель, пущенная с самолета. Охватывало чувство, что спасения нет, разве что под крышей, а откуда она возьмется в поле?

Отец у военного агронома (были такие!) доставал семена, они с Марией Михайловной вскапывали землю, мы все вместе засеивали грядки. Затем Валя и я ежедневно ухаживали за огородом: носили воду в бочки, пололи, рыхлили землю, прикрывали растения от солнца, снимали насекомых-вредителей, удобряли, вечером поливали и т.д. и т.п. Ещё в наши обязанности входил сбор грибов, ягод и щавеля, ну и конечно, пилка дров двуручной пилой, готовка еды на плите на этих дровах и присмотр за братом, так как Мария Михайловна работала с отцом и возвращалась вместе с ним только к вечеру. В общем, работы у нас с Валей было очень много, и с тех пор я не люблю возиться с землей, но понимаю в этом некоторый толк. Размер огорода был примерно 25 x 25 метров. На нем мы выращивали картофель, капусту, горох, турнепс, свеклу, огурцы, редис, морковь,

лук, укроп, петрушку и что-то еще. Большая часть урожая с огорода (в том числе ботва), грибы, ягоды и щавель заготавливались на зиму. Само собой уже летом огород нас подкармливал.

Урожаи были объемными и тяжелыми. Поздней осенью 1942 года мы вывозили овощи и выезжали сами из-под Агалатова на газогенераторном грузовике (деревянные чурочки вместо бензина), который нам дал командир части. Был уже снег и мороз, грузовик сломался, мы долго ждали, пока отец достал другой грузовик. В Ленинград мы привезли замерзший урожай. Конечно, мы ничего не выкинули и зимой ели мороженую картошку и капусту. Овощи хранились в дальней не отапливаемой комнате квартиры. Чудом урожая 1942 года был горох. С урожаем 1943 года ничего плохого не случилось. Его из Шушар привезли в городскую квартиру на подводе (на лошади), конечно, тоже военной. Военный паёк отца, в некоторые месяцы военный паёк Марии Михайловны и огороды были нашим главным спасением от голода.

В-четвёртых, в семье была определённая дисциплина, культ труда и порядка. В этом главная роль принадлежала Марии Михайловне, которая в первую блокадную зиму (как и всегда) определяла уклад нашей домашней детской жизни. Мария Михайловна не позволяла «распускаться». Мы (девочки) должны были вовремя вставать утром, умываться, периодически мыться целиком, убирать комнаты, стирать свое мелкое бельё, гулять сами и с братом и т.п. Чтобы вымыться целиком, на пол ставилось корыто, перед ним табуретка с тазом, рядом ведро с нагретой чистой водой и ведро для грязной воды. Моющийся раздевался и стоял в корыте, «помощник» его обслуживал, подавая и убирая то или другое. Скучная еда распределялась равномерно по дням и часам. Мы с Валей много читали (в первую блокадную зиму – при коптилке) - дома была неплохая библиотека. Мария Михайловна ввела своего рода «технику безопасности»: нас с Валей не посылала стоять ночью в очередях за продуктами, а днём в магазин «отоваривать карточки» отправляла вдвоём. На улицах в первую блокадную зиму было много трупов. Одни лежали не убранные на земле, других везли родственники на детских саночках на кладбища, а чаще на районные пункты сдачи. Не знаю, как другие, а я к этому не смогла привыкнуть и смотрела на мертвые тела с каким-то мистическим страхом, почерпнутым, по-моему, из детских страшных сказок.

В-пятых, моя родная мама Марфа Васильевна, забыв в трудное время обиды, связанные с разводом, всячески помогала отцу и Марии Михайловне сохранять детей, одинаково заботясь обо всех. Её помощь была неоценимой, так как на время отъездов Марии Михайловны с отцом в воинские части, мама переселялась в квартиру на Театральной площади и жила с нами, детьми. Благодаря этому Мария Михайловна могла со спокойной душой отлучаться от нас на работу в военно-полевые отряды и получать военный паёк. Моя мама и Мария Михайловна вместе ходили за брёвнами на деревянный стадион им. Ленина (теперь Петровский), который власти разрешили разбирать на дрова, за водой на Неву, когда пропадала вода в ближних водопроводных люках, на зимние совхозные поля за остатками овощей, в трудные ночные очереди за продуктами по карточкам и на другие блокадные подвиги.

Поясню, откуда брали воду для питья и умывания. Те, кто жил рядом с Невой, брали ее из прорубей. Не знаю, кто их прорубал. Для остальных на улицах были открыты крышки водопроводных люков, в которых стояла чистая вода. Воду из каналов не брали, так как она считалась грязной и прорубей не было. В каналы жители, мы в том числе, сливали и сбрасывали через перила нечистоты (канализация не работала), мусор и даже трупы. Последнее, конечно, было незаконно, так как для этого предназначались специальные пункты приёма тел. Ближний к нам был на Канонерской улице. Вокруг водопроводного люка замерзло высокое гладкое ледяное кольцо, и подросток мог по неосторожности упасть в люк, когда тянулся вниз зачерпнуть воды.

Мама жила на Нарвском пр., дом 16, кв. 41 и занимала комнату 16 кв. метров в коммунальной квартире. Она работала в заводском районе в парикмахерской. В первую блокадную зиму работа там была формальной, затем в ней стали обслуживать рабочих ближних заводов, работавших на нужды армии, и военных; женщины из торговой сети делали там маникюр. На неофициальной основе работники парикмахерской могли заработать не только скромные деньги, которые практически ничего не стоили, но и что-нибудь более существенное, например, тарелку столового супа.

Не удивительно, что при описанных качествах отец, Мария Михайловна и моя мама Марфа Васильевна сумели в тяжелейших блокадных условиях выжить и не потерять троих детей. Дополнительные средства существования, которые они «добывали» и о которых я написала, обеспечили нам, трем взрослым и трем детям, выживание без дистрофии. Мы все были очень худыми, бледными, серьезными, всегда голодными, но не опухшими и без цинги и других болезней, сопровождающих последние стадии голода. Прилагаю нашу семейную фотографию, сделанную в фотоателье в конце 1943 года. Это уже не самый голодный год, уже увеличены нормы выдачи продуктов, уже мы сняли и съели урожаи с двух огородов - 1942 и 1943 годов. Кстати, на фотографии мы с Валею одеты в жилеты, сшитые из «коврового» серого материала от распоротых чехлов какой-то немецкой военной техники. Эти чехлы отец с Марией Михайловной подобрали, когда шли в составе своей воинской части по левому берегу Невы сразу после прорыва блокады Ленинграда в 1943 году. Часть не участвовала в собственно военных действиях, но передислоцировалась из района поселка Агалатово к Шлиссельбургу. На Марии Михайловне горжетка из лисы, которую она до войны надевала только в торжественных случаях, как предмет роскоши. В 1943 году «женская сущность» Марии Михайловны, видимо, пересилила и она надела её для фотографирования.

Семья Семеновых в 1943 г. Я – вторая слева.

Справа налево: Валя, Юра и я. 1943 г.

БОМБЁЖКИ И АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ОБСТРЕЛЫ

Кажется, 8 сентября 1941 г. была одна из первых бомбёжек Ленинграда. Ночью я проснулась – раздался грохот, дом несколько раз ощутимо качнулся и послышался звон разбитых стекол. Вставать мы не стали и снова заснули. Утром увидели на полу свои выбитые стекла из трёх окон, выходивших на Театральную площадь, а на улице лежащий в относительно небольшой воронке уличный фонарный столб рядом с консерваторией со стороны памятника композитору Глинке. Отец вставил стекла, но потом их ещё раз выбило. Тогда он вставил на их место фанеру, оставив стекло только в форточке. Окна на кухне выходили во внутренний двор и ни разу не пострадали. В первые два года войны мы в основном и жили на кухне, во всяком случае, топили плиту или буржуйку только в ней.

Бомбёжки стали частыми, регулярно по радио стали объявлять «воздушные тревоги» - предупреждающий текст, перемежающийся с воем сирены. Воздушная тревога могла длиться от получаса до 1-2 часов и кончалась жизнерадостным сигналом «отбоя». Один раз (или два?) Мария Михайловна пошла с нами, детьми, в бомбоубежище. Оно было близко, во внутреннем дворе нашего дома, и являлось, собственно, бывшей коммунальной прачечной. Это было большое помещение на первом этаже со сводчатым потолком, каменным полом и несколькими каменными резервуарами для ручной стирки белья с кранами и сливами для воды. Теперь в прачечной не стирали, а установили много скамей для сидения. Толстые до 1 м стены, такие же своды и заложенные кирпичом окна во двор, по-видимому, позволяли считать это помещение бомбоубежищем. Мы пришли и сели на свободные места. У Марии Михайловны на руках маленький

Юра. Кроме нас вокруг, в основном, пожилые женщины. Снаружи время от времени доносится гуденье самолётов и отдалённые разрывы бомб. Валя и я и ничего не боимся, мы взяли книги и хотим читать или разговаривать. Маленький Юра ничего не понимает, но стеснён в своих действиях, он хотел бы побегать и поболтать. Но всё это пресекается возмущением других пришедших в бомбоубежище: «Уймите детей!», «Как не стыдно! Может быть, последний наш час приходит!». Мария Михайловна вынужденно одёргивает нас. В общем, ни ей, ни тем более нам, детям, в бомбоубежище не понравилось, а страха, видимо, было недостаточно. Почему? Могу сказать только о себе. У меня от природы оказалась «героическая натура». Я действительно боялась несколько меньше многих других, конечно, в пределах разумного. Но более всего я «презирала трусость» и даже тот страх, который испытывала, тщательно подавляла и скрывала. Ещё большее и, пожалуй, главное значение имела детская глупость, детская уверенность, что «с кем-кем, а уж со мной-то ничего не случится». Это качество не покидало меня лет до 30-35, о чем я не жалею. С этой особенностью жизнь более лёгкая и, так сказать, красивая. Потом я где-то прочитала, что этой «молодой необоснованной смелостью» сознательно пользуются в армии и в разведке. То, что у более взрослых людей достигается тренировкой силы воли, у части молодых людей имеется от природы.

Больше в «казённое» бомбоубежище наша семья не ходила. Отец придумал нам собственное бомбоубежище, воспользовавшись особенностями домов 4 и 6 по Театральной площади - нашего и соседнего. Их смежные капитальные стены сходятся при выходе на площадь, и расходятся под углом примерно 30 градусов при выходе на двор. В получившихся треугольных закутках ещё до революции были устроены дровяные кладовки на лестничных площадках. Соответственно, стены у кладовок были (и есть) мощные. Наша квартира владела одной из этих кладовок. Дверь в кладовку и входная дверь в квартиру были рядом, кладовка и квартира имели общую капитальную стену. В кладовке мы держали дрова и некоторые старые вещи. Отец объявил кладовку бомбоубежищем. В ней устроили места для сидения и стол из ящика, на котором наготове стояла коптилка. Теперь во время дневных и вечерних воздушных тревог мы должны были находиться в кладовке. По ночам мы всё-таки спали в своих постелях в квартире. Ни плиты, ни печки-буржуйки в кладовке не было, так что сидеть в ней надо было в пальто, валенках и других утепляющих тряпках, вплоть до одеял. Раза два сначала, кроме

меня и Вали, в кладовке во время тревоги была и Мария Михайловна с маленьким Юрой. Но ей быстро это надоело. В результате в кладовке во время воздушных тревог проводили время только мы с Валей, читая книги при свете коптилки. Нам сидение в холодной кладовке тоже не нравилось, но послушаться мы не смели.

Бомбёжки большей частью бывали ночью, а артобстрелы днём. В Ленинграде действовал комендантский час, то есть в указанный промежуток времени с какого-то часа вечером и до какого-то часа утром (не помню каких) нельзя было находиться на улицах без пропусков. По ночам жители были дома или в бомбоубежищах, так что никаких решений по поводу объявляемых по радио воздушных тревог или артобстрелов им принимать не приходилось. Днём во время воздушной тревоги или артобстрела дворники и специальные дежурные (МПВО?) требовали, чтобы прохожие с улиц заходили под арки над проходами во внутренние дворы домов («загоняли в подворотни») или в бомбоубежища, если они были близко. Там полагалось дожидаться «отбоя». Постепенно ленинградцы привыкли ко всем видам «тревог», старались ускользнуть от дворников и дежурных и продолжать путь по своим делам, чтобы не коверкать расписание своего дня. Мы часто вели себя так же. Конечно, из-за такой недисциплинированности в городе наверняка бывали дополнительные жертвы, но каждый принимал решение сам.

Наша семья от артобстрелов пострадала дважды, но минимально. Летом 1943 г., как я уже писала, мы жили и трудились на огороде в Шушарах, где жили в сельском доме. Хозяева дома были, вероятно, выселены из расположения воинской части. Мы занимали одну комнату, в других жили военные. Отец и Мария Михайловна днём были на своей инженерно-геологической работе, а мы, дети, - дома или на огороде. Изредка, примерно раз в месяц, на день-два, мы все или не все по каким-либо надобностям ходили домой на Театральную площадь - туда и обратно пешком, с рюкзаками. Однажды мы отсутствовали в Шушарах в полном составе. Когда вернулись, увидели, что четыре небольших грядки в углу огорода превратились в воронку от снаряда. Нам повезло: нас могло убить прямым попаданием, а могло ранить осколками. Когда в следующий раз мы опять пришли в свой дом на Театральной площади, то обнаружили на внешней стороне дома выбоину под окном дальней из наших двух комнат. Снаряд попал в стену между 1-м и 2-м этажами. Толщина стены дома - почти метр, глубина выбоины - 30-40 сантиметров. Внутри снаряд не проник, но удар проделал в стене трещину, а

взрывная волна выбила все стёкла рядом расположенных окон, которые уже несколько месяцев заменяли фанеру первой блокадной зимы. Отец снова вставил стёкла. Со временем подоконник и прилегающая часть пола стали проседать. После войны родители с трудом выхлопотали у домоуправления ремонт, однако процесс проседания продолжается до сих пор. Снаружи и сейчас виден этот дефект. Нам опять повезло: во-первых, нас не было в квартире, во-вторых, снаряд не попал внутрь комнаты. Хочется отметить интересную особенность траектории снаряда. Если учесть, откуда он был выпущен, значительную высоту здания консерватории перед нашим домом и малое до неё от дома расстояние, то окажется, что снаряд был уже на излёте и падал почти вертикально, по нашему дому он только «скользнул».

ПЕРВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

В страшную зиму 1941-1942 гг. школы в Ленинграде не работали. Весной 1942 г. кое-кто из выживших детей был эвакуирован из города на грузовиках через Ладожское озеро по «Дороге жизни», а в мае-июле водой через то же озеро. Летом оставшиеся немного окрепли, особенно если в семье был огород – или за городом (как у нас), или отдельные грядки в пределах города. Увеличились нормы выдачи продуктов, летнее тепло уменьшило расход энергии на согревание тела, многие собирали и ели грибы, дикие ягоды и съедобные сорняки. В общем, к осени 1942 г. жители в Ленинграде немного ожили, поднабрались сил, отмыли грязь на себе и отчасти в закопчённых квартирах, по одежде стали похожи на людей, а не на чучела, замотанные в какие-то тряпки, как зимой.

И вот мы с Валею узнали, что 1 сентября начинается учебный год, и мы пойдём в школу № 249 на углу ул. Союза Печатников с проспектом Маклина (теперь Английский проспект). Вероятно, нас записал туда отец. Между прочим, у него была проблема - в какой класс нас записывать. Формально это должен был быть 4-й, так как мы закончили перед войной 3-й класс, а учебный год 1941/1942 пропустили, как все в Ленинграде. Однако мы с Валею были, как теперь говорят, «продвинутые» девочки, начитанные, всегда хорошо и самостоятельно учившиеся. И отец записал нас в 5-й класс. По-видимому, он объяснил отсутствие документов за 4-й класс их пропажей при бегстве из Каунаса. Мы стали учиться, и преподаватели не заметили у нас недостатка знаний. Мы хорошо учились и после окончания 5-го класса получили похвальные грамоты. Копии своих похвальных

грамот за 5-й и 6-й классы я прилагаю к этим запискам. Оформление грамот интересно своей «политизированностью»: на бланке помещены портреты Ленина и Сталина.

Похвальная грамота за 5-й класс (1942-1943 гг.).

Из-за маленькой хитрости с пропуском 4-го класса я до сих пор плохо знаю систему кровообращения лягушки, которую тогда проходили именно в этом классе. В результате мы с Валею как бы не пропустили во время войны ни одного учебного года. При последующем обучении в средней школе и вузах мы обычно были моложе одноклассников и однокурсников, так как большинство детей «потеряло» один учебный год во время войны.

Учебный год 1942/1943 был последним, когда советская школа была смешанной, то есть девочки и мальчики учились вместе. Смешанное обучение возобновилось после смерти И.В.Сталина. Сейчас, вспоминая школу № 249 по прошествии многих лет, я могу только выразить своё общее впечатление: школа как школа. Всё в ней было нормально: уроки, звонки, дисциплина, учителя (женщины, кроме инвалида-военрука), музыкальный кружок, может быть, и другие кружки, беготня на переменах, некоторое отчуждение между девочками и мальчиками, выражавшееся в том, что держались и разговаривали отдельно.

Похвальная грамота за 6-й класс (1943-1944 гг.).

К сожалению, я многого не помню: имён преподавателей, директора, завуча, имён большинства одноклассников, была ли школа семилеткой или десятилеткой, были ли уроки физкультуры, было ли в школе бомбоубежище, что мы делали во время воздушных тревог и артиллерийских обстрелов, где был наш класс 5. В школе была столовая в подвале или на первом этаже, потолки вроде бы были сводчатые. В столовой нас кормили обедом. Не помню, сдавали ли мы часть талонов из наших продовольственных карточек в столовую или нас кормили полностью за счёт города. Не помню, надо ли было платить за питание деньги. В то время эти вопросы имели большое значение, но ими занимались родители. Не помню, хорошо ли отапливалась школа и отапливалась ли вообще. Может быть, в мороз мы сидели на уроках в пальто? Может показаться странным, что я подробно перечисляю то, чего не помню. Зачем, казалось бы? Но я думаю, что сам по себе перечень вопросов характеризует ситуацию учебного года 1942/1943 в блокадном Ленинграде.

ПИТАНИЕ В ШКОЛЕ

В обед нам часто давали блюда из продуктов, которые не используют в мирное сытое время или используют по-другому приготовленными, с добавлением других, более калорийных, продуктов.

Во-первых, это дрожжевой суп. Научные работники Лесотехнической академии разработали быстрый и дешевый способ массового производства съедобных дрожжей для добавки к рациону ленинградцев. Дрожжи изготовлялись из чего-то древесного в форме маленьких «буханок» размером и формой вроде нынешнего бородинского хлеба. Были они светло-коричневого цвета, мягкие. В столовых дрожжи растворяли в воде и кипятили с добавлением, например, крупы. Это и был дрожжевой суп. Во-вторых, это морские водоросли (морская капуста?), из которых тоже приготавливали суп. В-третьих, это соя в четырёх разновидностях: соевое молоко, соевый кефир, соевое суфле и соевый шрот (жмых). Все разновидности белоснежные. Жидкости имели едкий привкус. «Булочки» из шрота - румяные, красивые, но при еде были похожи на слепленные опилки. Перечисленные продукты по карточкам не выдавались, тем более их не было в свободной продаже. Впрочем, тогда не было вообще никакой свободной продажи, кроме как на «чёрном рынке». Дрожжи, водоросли и соя поступали только в столовые в качестве добавок к тому, что там давали по карточкам.

Мы, школьники, верили взрослым, что оба супа и блюда из сои - полезные, но считали их невкусными. Отдельные мальчики, у кого дома, видимо, было посытнее, иногда в столовой после обеда для развлечения кидались булочками из шрота, которые при ударе «взрывались». Булочки были настолько невкусными, что остальные дети не воспринимали такие действия, как порчу продукта. Воспитанием озорников занимались учителя.

Нормальную еду составляли каши, овощи, мясо, рыба, хлеб, сахар, масло или жир, эрзац-кофе и другие, но всё это давалось в крохотных количествах, мясо или рыба не каждый день.

Небольшой процент школьников имел право на усиленное дополнительное питание - УДП. Другие школьники называли их «усиленниками». А ещё ходила мрачная шутка, что УДП расшифровывается как "Умрёшь днём позже". «Усиленники» за обедом сидели в отдельной комнате и получали что-то дополнительное. Как попадали в «усиленники» и чем их подкармливали, я не знаю. Наверное, по медицинским показаниям по заявлениям родителей. Особенными доходами, по сравнению с другими, «усиленники» не выглядели.

КОНЦЕРТЫ В ВОЕННЫХ ГОСПИТАЛЯХ

Кроме проведения обычных занятий, школа готовила самодеятельные концерты, но не просто для развития талантов учеников, а для выступлений в военных госпиталях перед ранеными. Этим занимались учителя музыки, танцев и русской литературы. Преподавательский состав школы во главе с директором относился к организации концертов очень ответственно. В результате у нас была довольно большая концертная бригада из учеников разных классов. Проводились отдельные репетиции номеров и общие репетиции концерта целиком. Я читала стихотворения и участвовала в так называемом литературном монтаже, когда несколько «артистов» стоят на сцене и поочерёдно читают отрывки текста, представляющие единое целое. Некоторые части текста читаются «хором». Стихотворения и литературные монтажи были военно-патриотического содержания, написанные современными авторами, что называется, «с пылу, с жару», песни – тоже, танцы – народные.

Помню начало одного из стихотворений, которое я читала:

Многое забудут в мире люди,

Но бессмертным счастьем горя,

Эту дату мы не позабудем –

Восемнадцатое января.

В этот день мечты осуществились,

Мрак навеки победила жизнь.

Двух фронтов войска соединились –

Волхов с Ленинградом обнялись.

(Уже теперь благодаря Интернету я узнала автора – поэтесса Елена Рыбина.)

В литературном монтаже я читала отрывок:

...Он косит их атакой штыковой.

Бетон и восьмислойные накаты

Уже не спрячут немцев, не спасут.

Он наступил - великий час расплаты!

Он грянул - ленинградский грозный суд!

Специальных костюмов не было, выступали в своей одежде, но старались быть понаряднее. "Нарядность" была весьма относительной. Я, например, выступала в валенках, в коричневых байковых спортивных шароварах, поверх которых были надеты черная шерстяная юбка и толстый белый шерстяной свитер отца, уменьшившийся при стирке до моего размера. Вокруг шеи был повязан пионерский галстук. Праздничными были только белый цвет свитера и красный галстука.

В день концерта участники собирались у школы (или это было сразу после уроков – не помню) и все вместе со взрослыми руководителями шли в госпиталь. Я помню госпиталь на набережной Невы у моста Лейтенанта Шмидта со стороны площади Труда. Это было здание дворцового типа с высокими потолками и просторными внутренними помещениями. Был и концертный зал со сценой. Почти все комнаты были заставлены больничными кроватями, на которых лежали раненные военные в нижнем белом хлопчатобумажном белье. В каждой палате лежали раненные одного типа: лёгкие ходячие, тяжёлые лежащие, раненные в голову, в ноги и т.д. Концертный зал всегда был полон, так как развлечений у раненых практически не было. Вообще военный госпиталь во время войны отличается от гражданской больницы тем, что у пациентов, как правило, нет родственников и знакомых рядом с госпиталем, в который они попали, и их никто не посещает. Поэтому нас встречали очень хорошо и, безусловно, прощали скромный уровень наших выступлений. Позже я поняла, что для немолодых раненых уже самый вид детей нашего возраста был интересен и приятен. Тяжелых раненых привозили в зрительный зал в креслах на колёсах. Концерт слушали внимательно, всему аплодировали. Правда, по аплодисментам можно было понять, что особенно понравилось. Огромный успех всегда имела песня «Бескозырка», которую прекрасно исполнял один наш мальчик красивым детским

дискантом, притом одетый в тельняшку и форменку, с бескозыркой на голове. Мы и сами в школе очень любили его пение, он был нашей «звездой». Фамилию мальчика я не помню. Пению и танцам аккомпанировала на рояле наша учительница музыки.

Когда концертные номера заканчивались, наши благодарные зрители начинали просить повторения, называя тот или другой номер. В результате концерт фактически повторялся, только последовательность номеров оказывалась другой. Затем работники госпиталя вели нас в какое-нибудь дальнее помещение и чем-нибудь скромным угощали, например, чашкой чаю и ломтиком хлеба с кусочком сливочного масла. Мы, блокадные дети, были обучены дома не принимать чужих угощений, а уж тем более ничего не просить, так как «все вокруг голодают». Полагалось говорить, что не хочешь есть, что недавно ела, что сыта и т.п. В госпиталях мы не отказывались от угощения, но принимали его чинно, ели медленно, благодарили и никогда не просили добавки.

ПРАЗДНИК НОВОГО ГОДА

Празднования Нового 1943-го года в Ленинграде практически не было, кроме официальных поздравлений по радио и в газетах. Но для детей наша школа устроила очень скромную "ёлку" с подарками. Идти туда надо было довольно поздно, улицы, как всегда в декабре, были пустынные, морозные и тёмные. Родители нас Вaley отпустили с опаской. Мы пошли, ёлку я не помню, а подарок, конечно, помню. Мы принесли его домой. Он был продуктовый: 4-5 конфет и сколько-то печенья. Всё – "блокадное", то есть конфеты из смеси сои с мукой и сахаром, покрытые глазурью «под шоколадную», печенье из грубоватой муки, тоже сладкое. Нам всё понравилось.

ИЗУЧЕНИЕ ВОЕННОГО ДЕЛА

Кроме обычных изучаемых в 5-м классе предметов, у нас было военное дело, которого не было до войны. Преподавал инвалид-военрук среднего возраста. На его уроках мы изучали устройство ручного оружия – винтовку ТОЗ-8 и, плохо помню, что-то ещё. Оружие было в одном экземпляре. Военрук держал его в руках, разбирал, называя составные части, и собирал обратно. Мы должны были уметь ответить на его вопросы по устройству оружия, но сами в руки его не

получали. Таким образом, обучение было теоретическим на простейшем уровне. Ещё военрук занимался с нами строевой подготовкой, чаще в спортзале или широком коридоре, реже во дворе. Мы научились ходить «в ногу», выполнять команды «Стройся!», «Смирно!», «Вольно!», «Налево!», «Направо!», «Кругом!», «На первый-второй рассчитайсь!», «Шагом марш!» и прочие. Мы научились маршировать, держать строй, менять направление движения, перестраиваться шеренгой, колонной и многое другое. Один или два раза урок проводила медсестра, которая рассказывала и показывала, как делать перевязку при ранении.

Насколько помню, мы к занятиям военным делом относились несерьёзно, как впоследствии к урокам музыки, физкультуры и черчения, считая их второстепенными предметами, наверное, потому что преподаватели этих дисциплин тогда не были профессиональными педагогами и не умели "держать класс в руках". В дальнейшем в 6-м и 7-м классах (в других школах) военное дело преподавалось на немного более высоком уровне. Например, винтовка закреплялась на треноге, бумажная мишень с кругами и обозначением очков – на стене, и ученицы должны были установить правильную позицию "прорезь – мушка – мишень", которую проверял военрук. В кабинете, конечно, не стреляли. В тир ходили, кажется, один-два раза.

Не помню, было ли это в 5-м классе школы № 249 или 6-м классе следующей школы (№ 251), но однажды зимой по какому-то серьёзному календарному случаю в Ленинграде организовали военный парад школьников на каком-то стадионе ("Динамо"?). Было объявлено, что парад будет принимать ни больше, ни меньше, как сам маршал Говоров, командующий Ленинградским фронтом. Когда отряд от нашей школы прибыл на стадион, был большой мороз и метель. У нашей школы было знамя. Не помню, что на нём было написано. Несли знамя по очереди 3-4 выделенных ученика. На какое-то время эта честь выпала мне. Тогда я узнала, что нести знамя не только почётно, но и физически трудно. Интересно, что я на этом параде испытала душевный подъём, думаю, что многие другие тоже. Его составляющими были "чувство локтя" в мужественном преодолении холодного ветра со снегом в лицо при сохранении строя и сознание значительности момента, связанной с присутствием на трибуне официальных лиц, в том числе военных и самого Говорова. Кстати, потом мы узнали, что по какой-то причине Говоров на нашем параде быть не смог.

Занятия военным делом ни мне, ни другим девочкам, слава богу, негодились в дальнейшей жизни. Однако, осмысливая их значение теперь, я прихожу к заключению, что даже микроскопические знания и практика военного дела в сочетании с пережитым военным временем пополнили мой жизненный опыт и дали понимание одной из сторон армейского существования.

СМЕНА ШКОЛ, ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

В 1943 году в СССР заменили смешанное обучение школьников отдельным. Школа № 249 «досталась» мальчикам. Не знаю, тогда ли она сменила номер. Мы с Валею и многими другими девочками были переведены в школу № 251, которая помещалась на одном из этажей «дома с башней» на углу проспекта Майорова и улицы 3 Июля (теперь Вознесенский проспект и Садовая улица). Там мы проучились один год и закончили 6-й класс. В течение этого учебного года 4-5 учениц из нашего класса добровольно-принудительно перевели в ремесленное училище. Видимо, была разрядка на количество переводимых. Учителя (сплошь женщины) жалели девочек, сделать ничего не могли, шептались между собой и выделили для перевода учениц со слабой успеваемостью. Какие при этом были разговоры с девочками и их родителями, я не знаю. Перевод части школьников как мальчиков, так и девочек в созданные тогда ремесленные училища был массовым государственным мероприятием. Переведенные подростки получали серую суконную форму и обучались рабочим профессиям. На улице они сразу выделялись возрастом и формой, их называли «ремесленниками», их судьба считалась незавидной.

После окончания учебного года 1943/1944 251-ю школу то ли расформировали, то ли перевели в другое место. Наш 6-й класс попал в школу № 240 на набережной Крюкова канала позади здания бывшего Никольского рынка. Это рядом с тем самым местом, «где Крюков канал и Фонтанка-река словно брат и сестра обнимаются» (цитата из дореволюционной студенческой песни). Женскую школу № 240 мы с Валею закончили в 1948 году, отучившись в ней с 7-го по 10-й классы. Между прочим, почти сразу после смерти И.В.Сталина в 1953 году советская школа снова вернулась к совместному обучению девочек и мальчиков.

Об окончании войны мой 7-ой класс узнал на уроке 9 мая. Казалось, все девочки должны были радоваться, но часть из них сразу заплакала. Это были те, у кого на войне кто-нибудь погиб.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ШКОЛЕ

Я тепло вспоминаю школу № 249, первую мою школу после долгого пребывания почти за границей (бывшая Польша, только что присоединённая Литва) и после тяжелейшей «мертвенной» блокадной зимы, когда чудом удалось выжить. Школа вновь ввела меня в русло нормально организованной детской жизни, хотя и в суровых военных условиях. После окончания школы № 249 своим чередом уже без насильственных перерывов пошло получение сначала среднего, потом высшего образования, затем работа по специальности, профессиональный рост. Школа № 249 и следующие школы, в которых я училась, составляли единую систему, вводившую детей и подростков всесторонне подготовленными к жизни в стране, такой, какой она была в то время, сначала военное, потом мирное, но всегда сильно идеологизированное. К этому последнему обстоятельству надо было хорошо приспособиться, чтобы прожить нормальную для того времени жизнь. Надо было знать, что и как понимать, что можно и чего нельзя говорить. Эту приспособленность школа обеспечивала, конечно, не прямыми указаниями, а более тонкими методами, безопасными для учеников и учителей. Учителя-предметники в своём большинстве были добросовестными энтузиастами, в которых ощущались традиции преподавания, тянувшиеся ещё с дореволюционных времён и похожие на то, что рассказывали о своём детстве наши родители. «Морально-политическую» оценку советской школы 1942-1948 гг. я делаю уже теперь, когда прошло очень много лет и есть, с чем сравнивать.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ЖИЗНЬ

В 1948 г. я поступила в Ленинградский горный институт им. Плеханова на геофизическое отделение геологоразведочного (позже – геофизического) факультета и это во многом определило мою дальнейшую жизнь. С 1954 г. я постоянно работала в геологической отрасли, сначала с активным участием в полевых работах, затем в стационарных городских условиях научно-исследовательского института. В 2006 году мне исполнилось 75 лет. По этому случаю в издаваемом нашим институтом «Российском геофизическом журнале»

№ 41-42, 2006 г., было опубликовано поздравление и справка о моей профессиональной деятельности, которую я привожу далее и выделяю **курсивом**. Справка фактически является моей «рабочей биографией» и избавляет меня от её написания.

Мне 75 лет. Фотография в «Российском геофизическом журнале».

Справка из «Российского геофизического журнала» № 41-42, 2006 г.:

Ольге Георгиевне Семеновой – 75 лет

18 марта 2006 г. исполнилось 75 лет ведущему научному сотруднику, кандидату технических наук Ольге Георгиевне Семеновой. О.Г.Семенова родилась в Ленинграде в геологической семье, является Жителем Блокадного Ленинграда. В 1954 г. она окончила геофизический факультет Ленинградского горного института по специальности "горный инженер-геофизик".

В 1954-1957 гг. О.Г.Семенова работала в урановой промышленности в Германской Демократической республике инженером-геофизиком и заведующей геофизической лабораторией на предприятиях Советско-германского акционерного общества «Висмут». В 1957-1958 гг. она начальник геофизического отряда в Северо-Западном территориальном геологическом управлении. С 1958 г. научный, старший научный сотрудник, заведующая лабораторией математических методов, ведущий научный сотрудник ВИРГ, ВИРГ-Рудгеофизики и ФГУНПП «Геологоразведка».

О.Г.Семенова является специалистом в области геофизических методов поисков рудных месторождений, применения математики в геологии,

компьютерной обработки аэрогеофизической информации и создания электронных банков геофизических данных.

О.Г.Семенова впервые решила математическую задачу определения вероятности геометрического пересечения искомого геологического многосвязного объекта произвольной конфигурации регулярными поисковыми сетями из параллельных прямых, а также из точек измерений. Для практического применения разработала алгоритмы и компьютерные программы оценки эффективности поисковых сетей с различными параметрами по вероятностям пересечения искомых объектов. Эти работы, выполненные в 1963-1970 гг., составили содержание диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук и награждены бронзовой медалью ВДНХ СССР.

В 1971-1989 гг. при создании в ВИРГе последовательности программных систем автоматизированной цифровой обработки и интерпретации результатов аэрогеофизических измерений О.Г.Семенова сконструировала и разработала универсальный способ оперирования данными, а также решила вопросы ввода, расшифровки и помещения в систему результатов полётной регистрации аэроизмерений. Развитие созданных с ее участием систем обработки аэроизмерений продолжается до настоящего времени путем создания усовершенствованных версий с учетом прогресса компьютерной техники и математического обеспечения и с сохранением основных принципов оперирования данными.

В 1990 г. О.Г.Семенова выступила инициатором создания электронного банка ретроспективной и современной аэрогамма-спектрометрической информации – «Радиоэкобанк», была его основным идеологом, разработчиком информационных структур, конструктором программно-математического обеспечения, включая автоматизированное рабочее место. Приемочными комиссиями, образованными ГУГП «ГлавНИВЦ» МПР, в 1997 г. «Радиоэкобанк» введен в опытную, а в 1999 г. в промышленную эксплуатацию в качестве составной части раздела Государственного банка цифровой геологической информации «Полевая геофизика». В 2001 г. О.Г.Семенова составила требования к включаемой в банк информации, утвержденные ГлавНИВЦ МПР. В соавторстве со специалистами-аэрогеофизиками ею предложен комплекс

объективных критериев и алгоритм автоматизированной оценки качества аэрогамма-спектрометрической информации различного происхождения, характеристики которой хранятся в банке в формализованном виде. Макеты программных оценочных блоков встроены в состав автоматизированного рабочего места «Радиоэкобанка».

О. Г. Семенова является автором и соавтором более 100 опубликованных и фондовых работ, с 1973 г. имеет ученое звание «Старший научный сотрудник», награждена рядом юбилейных медалей, памятных знаков и грамот в общегражданской и профессиональной областях.

В 2010 году я вышла на пенсию и с тех пор не работаю. На работе у меня всё было относительно благополучно, и работа мне всегда нравилась. В личной жизни у меня и у моих близких было сложнее и далеко не так хорошо: разводы, болезни, смерти, инвалидности, усилия по улучшению жилищных условий. Я дважды была замужем. У меня взрослые сын и внучка.

17.05.2013-26.06.2013